

Содержание

Часть I. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРУ	6
Предисловие.....	6
Глава 1. Экскурс в историю	8
Глава 2. Общий характер психологических экспериментов	20
Глава 3. Возможность ментальных измерений.....	35
Глава 4. Доказательства бессознательных идей.....	64
Глава 5. Дальнейшие рассуждения о бессознательном.....	78
Глава 6. Иллюзии и их значение	89
Глава 7. Эксперименты с ментальным пространством, в частности у слепых.....	115
Глава 8. Гармонии и диссонансы восприятия пространства, и его место в опыте	134
Глава 9. Память и влияние времени	154
Глава 10. Временные знаки и ранг памяти.....	172
Глава 11. Подражание и внушение.....	184
Глава 12. Наслаждение ощущениями и их формами	208
Глава 13. Цвет и дифференциация изобразительного искусства	228
Глава 14. Связь ума и тела	239
Часть II. РАЗВИТИЕ МЕНТАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	288
Несколько слов от редактора	288
Глава 1. Ум: гимнастический зал или ящик для инструментов?	291
Глава 2. Изъяны в оценках соперников	295
Глава 3. Взаимодействие ума и тела.....	302

Глава 4. Влияния внутри разума	306
Глава 5. Эмоции и ментальная энергия	310
Глава 6. Организация побуждений и волеизъявлений	315
Глава 7. Забота об эмоциях	320
Глава 8. Дикие и обузданные инстинкты	324
Глава 9. Упражнения для развития воли	328
Глава 10. Свой ум – царь в голове	335

Experimental Psychology

AND ITS BEARING UPON
CULTURE

BY

GEORGE MALCOLM STRATTON

M.A., YALE; PH.D., LEIPZIG

ASSOCIATE PROFESSOR OF PSYCHOLOGY AND DIRECTOR OF THE PSYCHOLOGICAL
LABORATORY IN THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

New York

THE MACMILLAN COMPANY

LONDON: MACMILLAN & CO., LTD.

1903

All rights reserved

Часть I.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРУ

Предисловие

Цель настоящей книги состоит в том, чтобы дать нетехническое описание некоторых групп экспериментов в психологии и кое-что продемонстрировать в отношении их значения.

Что касается конкретных экспериментов, представляющих наибольший интерес и важность в этой области, то у публики, конечно, могут быть разные мнения.

Каждый, кто занимается психологией, вскоре обнаруживает, что его привлекают определенные направления, и автору лучше уважать этот элемент приватности. Но при подготовке книги я стремился представить, насколько это было возможно, в достаточно узких рамках, характер и ценность лабораторной психологии, особенно с учетом наших моральных и философских интересов. Таким образом, я планирую охватить своей книгой область, отличную от той, которая уже так хорошо освещена в превосходных работах Титченера и Сэнфорда, а также, конечно, в Святом Писании.

Итак, значительное внимание было уделено интерпретации экспериментальных результатов, их более непосредственному научному значению, а также тому, что они предлагают для жизни и размышлений. Но в первую очередь цель состояла в том, чтобы наглядно представить читателю сами эксперименты: благодаря этому основные черты исследовательской работы можно было увидеть более четко.

Многие из описанных таким образом экспериментов уже знакомы изучающим психологию, но некоторые из них пред-

ставлены здесь впервые. Было бы трудно, если не невозможно, подробно рассказать о том, сколь многим я обязан другим людям. Однако я не могу не упомянуть Совет и членов Философского союза Калифорнийского университета, которые несколько лет назад пригласили меня поговорить с ними о характере и значении психологических экспериментов.

Эта книга в значительной степени обязана своим появлением их интересу и поощрениям. Я также особенно признателен моему другу, профессору Бейквеллу, который любезно прочитал книгу в корректуре и дал мне множество полезных советов. При подготовке глав, посвященных психологии эстетики, я извлек большую пользу из критики моего друга, мистера Фредерика К. Торри.

И я в долгу перед моим коллегой доктором Монтегю за аналогичную помощь в решении некоторых проблем пространства. За фотографии в качестве многочисленных наглядных примеров я должен поблагодарить мистера Брэнда, бывшего ассистента в Лаборатории, и мистера Данлэпа, нынешнего ассистента.

Я очень благодарен моему уважаемому учителю, профессору Вундту из Лейпцига, который познакомил меня с экспериментальной работой.

Но больше всего я обязан своему учителю и другу, профессору Ховисону, которому я был бы рад посвятить эту книгу, в знак его почитания, если бы не осознавал хорошо ее недостатки.

Глава 1.

Экскурс в историю

Лишь в последние годы стало общеизвестно, что с умом активно экспериментируют. Несомненно, для некоторых вся эта тема все еще имеет новизну и, возможно, чуть ли не эксцентрична, словно она появилась только вчера и уже завтра канет в лету. Но дело в том, что, как и многие другие вещи, внезапно привлекающие внимание общественности, дни ее роста были долгими и тихими, а внезапность появления связана не с ее фактическим возникновением, а лишь с шумихой, сопровождающей распространение ее славы за рубежом.

Дарвинизм зарождался во времена Гераклита – точно так же в наши дни мы можем обнаружить первые ростки того, что часто называют «новой психологией», по крайней мере, еще у Аристотеля. Он проводил эксперименты в области психологии, и с его времен можно найти следы такой работы. Таким образом, современный поворот заключается не в открытии возможности психологических экспериментов, а в отчетливом осознании их ценности и, следовательно, в более широком их использовании и в разработке критической методологии их проведения.

Чтобы понять мотивы, которые привели к лабораторной работе в психологии, нужно вспомнить, что на протяжении веков своеобразным и единственным методом получения сведений об уме считался метод самонаблюдения, или интроспекции, как его чаще называют. Узнаем мы этот метод по названию или нет, он, безусловно, всем знаком.

Вы, наверно, можете сказать, приятна ли вам идея территориальной экспансии за пределы морей, или вы относитесь к ней со смешанным чувством согласия и недоверия, или, возможно, с неприкрытым сожалением. Это непосредственное знакомство с состоянием нашего ума, которым в той или иной степени обладает каждый из нас, составляет суть интроспекции и,

как я уже говорил, на протяжении веков было единственным признанным способом сбора данных в психологии. Психолог обратил свой мысленный взор внутрь себя и, насколько мог, сообщил о том, что он там наблюдал. Предполагалось, что объекты этой науки должны быть отмечены каким-то внутренним чувством, в отличие от наших глаз и ушей, с помощью которых мы наблюдаем внешние объекты, материалы для привычных естественных наук.

Теперь можно довольно ясно показать, что самонаблюдение всегда должно быть фундаментальным методом психологии: оно позволяет сделать первый шаг и предоставляет нам все знания из первых рук о ментальном мире, которыми мы обладаем. Но при всем этом нельзя не признать тот исторический факт, что психология, пока она опиралась исключительно на этот метод, находилась в явно невыгодном положении по сравнению с естественными науками в целом. Прежде всего, поза самоанализа стеснена и неестественна. Мы существа практичные, а посему, когда мы здоровы, жизнь побуждает нас интересоваться вещами за пределами нас самих.

Привычка к самонаблюдению, если и не является болезненной чертой характера, как у швейцарского писателя и поэта Анри-Фредерика Амьеля или русской художницы Марии Башкирцевой (автора знаменитого дневника), то, по крайней мере, искусственна и склонна сбивать с пути весь ход мысли. Попробуйте, например, проявить глубокий интерес к тому, что кто-то вам говорит, и в то же время тщательно проанализировать и сообщить себе, каково это – испытывать глубокий интерес. Многие из наших самых важных психических состояний категорически не поддаются такому анализу; они ускользают от нашего прямого изучения, и в лучшем случае мы можем (как бы парадоксально это ни звучало) вспомнить, как они выглядели, когда мы на них не смотрели. По сравнению с теми науками, материалы которых абсолютно безразличны к любой степени взвешиваний, измельчений, нагреваний и исследований, можно хорошо понять, насколько прогресс психологии был неизбежно

медленным и, в некоторой степени, разочаровывающим. Более того, в каждом проявлении ума есть что-то особенно личное и непередаваемое. Мы не можем, как минералог, распространять наш конкретный образец суждения или волеизъявления и просить других подтвердить результаты нашего исследования. Значит, результаты самонаблюдения кажутся личными и «субъективными», лишенными той универсальности, которая является гордостью химии и физики.

В таком случае следовало ожидать, что возникнет стремление к какому-нибудь способу исследования, более широкому в своем применении и более плодотворному, чем самонаблюдение, и что в свое время произойдет организованный бунт в пользу «объективных» методов, среди которых важное место должна была занять методика эксперимента.

Современное экспериментальное изучение ума – это всего лишь новейшее развитие того научного движения, главным выразителем которого был Фрэнсис Бэкон. Бэкон привел к Гоббсу. Именно с Гоббса в XVII и XVIII веках началось мощное эмпирическое движение в психологии, которому так обязаны наши нынешние методы исследования ума. Англичане первыми заинтересовались психологией как таковой. На континенте она всегда была чем-то второстепенным, всего лишь придатком к метафизике, а англичане, в лице Локка, Беркли и Юма, почти полностью изменили порядок и сделали метафизику приложением к психологии.

Во всяком случае, факты нашей повседневной ментальной жизни наконец встали на свои места, и у только что упомянутых авторов начали намечаться некоторые главные проблемы экспериментальной работы. Замечательный очерк Беркли «Опыт новой теории зрения» отчетливо демонстрирует современное отношение к психологии, несопоставимое с прежними днями. Он ставит конкретный вопрос о том, как мы можем визуально определять размер, расстояние и форму объектов. После мастерского изложения фактов и аргументов он приходит к своему хорошо известному выводу: ни один из этих аспектов вещей

не дается нам одним лишь зрением, а исключительно зрением в сочетании с чувством осязания. Только когда мы научимся переводить зрительные впечатления в термины осязания и мышечных движений, наше зрение приобретет для нас значение чего-то пространственного.

Если бы история умалчивала о жизни и временах Беркли точно так же, как и о личности Шекспира, тогда не только его теория, но и способ, которым он ее поддерживает, могли бы дать прекрасное основание какому-нибудь ушлomu критику заявить, что добрый епископ просто дал свое имя произведению какого-нибудь застенчивого ученика Гельмгольца или Вундта. Насколько мне известно, Беркли приводит первый пример такого распутывания проблемы психологии и удостаивает ее особого и чисто психологического трактата.

Словно для того, чтобы обеспечить экспериментальную проверку, которая, по признанию самого Беркли, была необходима для его теории, вскоре появилась первая из серии статей различных врачей в «Философских трудах Лондонского королевского общества», в которой приводятся результаты экспериментов на пациентах, оперированных по поводу врожденной катаракты. О самом известном случае сообщил Чесельден в 1728 году, а за ним последовали другие от Хьюма, Уэра, Уордроба и многих других. Если бы теория Беркли была верна, то человек, внезапно обретший зрение, как это по большей части и происходило с этими пациентами, не только умел бы различать форму, расстояние или направление объектов зрением, но исключительно такие зрением, которое работает в сочетании с осязанием.

В связи с этим был проведен ряд испытаний, подробное обсуждение которых будет более уместно в одной из последующих глав. Здесь достаточно сказать, что результаты в целом считались убедительными в пользу теории Беркли, но эта интерпретация, как мне кажется, вызывает сомнения и нуждается в тщательном пересмотре. Интересный факт в данной связи, однако, заключается не в том, являются представленные им доказательства адекватными или неадекватными, а в том, что Беркли и

большая группа ученых признали таким практическим путем, что существуют важные психологические проблемы, которые должны быть решены не традиционным интроспективным методом, а внешними и экспериментальными средствами.

Мы можем пропустить более позднюю эволюцию науки англичан (Хартли, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль, Спенсер). Это имеет большое значение для истории психологии в целом, но не для развития ее экспериментального аспекта. Эти люди были создателями систем, больше всего заинтересованными в разработке того, что казалось им единственным по-настоящему объясняющим принципом в психологии, а именно принципа ассоциации.

Хорошо, что есть такие люди, которые считают, что на второстепенные вопросы по предмету можно ответить, познав общую тайну целого. Но экспериментальная психология, возможно, в большей степени обязана тем, чьи интересы простираются к противоположному полюсу, то есть тем, кто чувствует, что поиск тайны целого можно отложить до тех пор, пока мы не узнаем больше о второстепенных частях этого целого. Мудрость, несомненно, оправдана для детей обоих типов.

Но легко заметить, что, когда психологическая деятельность Англии все больше превращалась в поддержку системы, атмосфера там становилась все менее побуждающей к другому роду работы. В то же время Германия двигалась прямо противоположным курсом.

Немцы, после их длинной череды философов от Лейбница до Гегеля, стали, наконец, физиками, достигнув этапа, к которому Англия и Франция пришли задолго до этого, полностью утратили веру в философию и приготовились подойти к решению вопроса об уме с другой стороны.

Но в Германии, как и в Англии, интерес к экспериментальному изучению сознания развивался не только в рядах самих психологов. Гете, например, был одним из первых экспериментаторов в области психологии. Он провел интересное исследование

влияния цвета на эмоции, наблюдая за пейзажем через очки то одного, то другого цвета и отмечая контрастные настроения, вызываемые различными оттенками. А некоторые эксперименты, имеющие гораздо более тесную связь с непосредственным историческим развитием, были проведены астрономами – конечно, не из какого-то особого интереса к психологии, а в силу практических потребностей звездочетов.

Согласно более старому методу определения времени, когда звезда достигает своего меридиана, астроном наблюдал за прохождением звезды через поле своего телескопа и в то же время прислушивался к ударам часов, находящихся поблизости.

С приближением критического момента ему предстояло выполнить довольно сложную задачу: отметить, в какой момент в череде колебаний маятника действительно произошлохождение звезды через меридиан (отмеченный линией волоса в поле зрения телескопа).

Чтобы сделать это точно, он должен не просто сказать, в какой момент времени произошел этот переход, но, поскольку переход обычно происходит где-то между двумя ударами, он должен определить более точную долю удара, прошедшую, когда звезда достигла меридиана. Это был метод «глаза и уха», от которого многие астрономы сейчас отказались в пользу хронографа с его электрическими самописцами.

Астроном Фридрих Бессель еще в 1822 году заметил, что когда разные люди наблюдали один и тот же факт, имели место расхождения, которые можно было объяснить только разным составом самих наблюдателей. Поэтому были проведены эксперименты для определения того, что с тех пор известно как «личное уравнение». Все это было психологическим вопросом, и эксперименты, которые пролили некоторый свет на этот вопрос, были психологическими, хотя и проводились исходя в первую очередь из интереса к совсем другой области. Из них выросла важная группа лабораторных исследований времени реакции, о которых подробнее будет сказано в следующей главе.

Но работы, оказавшие более непосредственное влияние на развитие систематических экспериментов в психологии, принадлежали физиологам, и особенно интересовавшимся органами чувств. Любой, кто перелистает страницы отдельных томов «Справочника» Германна, посвященных этому предмету, увидит, как много экспериментов было проведено в самом начале, чтобы обнаружить прежде всего функцию органов чувств, но они при этом обнажили немалую долю психологии нашего чувственного восприятия.

Вероятно, мало кто, кроме вечных студентов, ценит тот факт, что труды Гельмгольца лежат в значительной своей части на психологической стороне границы между физиологией и психологией, и что он может быть востребован в обеих науках.

Его великие труды по физиологической оптике и ощущениям тона представляют собой кладезь психологического материала, собранного по большей части благодаря собственному гению Гельмгольца в разработке и проведении экспериментов в этой области. И в той же сфере было много других первопроходцев. Немецкий врач Карл Виерордт, к примеру, более полувека назад провел экспериментальное исследование нашего чувства времени – область исследований, над которой с тех пор усердно работают в современных лабораториях. И почти с извинениями следует упомянуть френологов Франца Йозефа Галля и Иоганна Гаспара Шпурцхайма (его ученика). Каким бы ненаучным ни был весь дух трудов этих людей, их занятная система, несомненно, во многом стала двигателем более поздних экспериментов на тему связи между мозгом и сознанием, которые привели к блестящим открытиям в области «локализации» психических функций, с которыми связаны имена Брока, Гольца, Ферье и многих других.

Когда мы пытаемся проследить не столько различные отдаленные источники, сколько непосредственное происхождение экспериментальной психологии, следует назвать прежде всего Эрнста Генриха Вебера. С него начинается то, что мы могли бы назвать непрерывной экспериментальной традицией.